

— ТОНКИЕ ЛИНИИ —
выпуск пятый

евгений пивень

**всегда хотел
чтобы в конце огорода
росло огромное дерево**

Днепр
Герда | 2020

УДК 82-1

ПЗ2

Евгений Пивень родился в 1987 году в городе Баштанка Николаевской области. Участник николаевского поэтического объединения «Лига Эм». Работает инженером в конструкторском отделении турбиностроительного предприятия. Автор поэтических сборников «Первое приближение» («ProLogos», 2014) и «Продолжение» («Лоція», 2016). Участник ряда музыкально-поэтических перформансов. Стихи публиковались в поэтическом ежемесячнике «Листок», журналах «Воздух», «СП», Helikopter (в переводе на польский), в антологии «Солонеба».

ISBN 978-617-7639-57-1

© Пивень Е., 2020

Массивные руки ореха

крови нашей не удержат – взгляни:
светится небесный день
сквозь дырявые руки ореха. Ночь
придёт – сам что ли подвесит
достаточно ламп, чтобы разглядеть
ближние острова ночи сквозь
растопыренные пальцы? Да
и не подписывался он что-то
там удерживать. Жесты его
наливаются другими
соками – жадой долголетия,
мы такую оплакивали,
когда держали его на руках –
долговязого тонкого малыша. Отступай
подальше от забора, говорил тебе,
крона потом такая
будет, что перехлестнёт к
соседям: прям вижу, как бросают
обратно зелёные плоды и ворчат:
себе под хату сади такие деревья.
Та не оплакивали
совсем – скорее страшно
представлять себя переполненными
головокружением, когда
много позже посмотрим в зенит
его столетних
рук, а костур высоты

пронзит мой
и твой мозг,

будто полдень пройдёт мимо,
впервые с места сдвинувшись.

Кажется, мы полднем назвали
дерево – закрываю руками уши
тебе – слышишь,
в крови моей заблудились плотные часы,
каждый день поднимаются
выше и выше?
Хотят на верхушку дерева.
Неуклюжи,
как-то пробьют русло и разбазарят
всю кровь. Пошли, здесь,
под орехом, кроме прохлады,
ничего расти не будет. А полдень –
то такая молния на самом деле, просто
шифруется хорошо

кто в детстве не боялся призраков

ну и где ты сейчас
в тишине загородной
убитой трассы Н11

одному не страшно
стоять здесь и петь
своим поганым голосом
утру напротив

я это так
признаться в не
значительном:
здесь я живу

клок диких цветов
блокнот с понедельником
шкатулка резная
с пуговицами

призрак с фонарём казался
неподвижным теперь приближается
разлетаясь огнями въезда
привычной обстановкой комнаты

ей предстоит в темноте
определить наощупь
кто сейчас коснётся выключателя
какое у него лицо

когда мы лежим на узкой кровати без сна
в тупиковой комнате зимнего домика
смутно знакомый человек открывает калитку

проходит двор не боится собаки
поворачивает ключ в смехотворной двери
спустя коридоры вот он у наших ног

стал со шприцем в руке и просит
вколоть ему это не помню
ты или я привстают опираясь на локоть

нажимают на поршень так сильно
как только смыкают веки
человек вежливо прощается

уходит с домика со двора
в направлении водонапорной башни
отмечающей конец нашего города

и начало степи

Читать карты и книги, словно так никогда
ни карт, ни книг с тобой не читали, словно прежде
разматывали домотканый овощ,
среди тающей кожуры не обнаружив
зерна, или глубокой царапины
в собственной ладони
не обнаружив. Таким образом следовать
за сменой освещённости предложения:

покидая границы светодиодного столба
навстречу первым вечерним звёздам, пробуящим
воду сомнения, каламутное дно
слабого зрения, ежевечерне являющим
чудо старинного урожая на утопанной почве
для подражаний, достать бы настолько
мощный ночник-проектор и врубить у вершины
улицы, чтобы доставало по всему небосклону
и удваивало звёзды созвездий, таясь от посторонних

(ради такого дела можно свернуть с постамента
городской цилиндр-видоискатель
и отбросить в небесную толщу вторые наши
созвездия, дома́ нашего монстра,
живущего помимо живущих в наших домах),

покидая панораму с коттеджем, где обрела
спокойствие первая игра, озарившая путешествие
одной птицей и в радости погасшая на ладонном

сумраке, мы преодолевали вершину
холма улицы, я, держа руль велосипеда, и младшая –
на раме велосипеда, в пределах моих рук

(если сейчас провести ладонью по раскрытой
книге – видишь, как снимается тонкая плёнка
с чёрными буквами, обнажая
точно такие же чёрные буквы, слово в слово)

эта козья звезда летом скрывает под собой
целое кладбище не перейти старое
кладбище за вишняком люцеркой и топинамбуром

связать в одно и выйти вскользь протяжного узла
могли бы сумасшедшие например
но они теперь сумасшедшие

верёвки ради раскалили руки над небом
овеет холодом предрассветным
козочка в мешке а развяжешь одна роса

предсказываются чёрные вещи вроде бочки
два года хранившей ячмень так что зёрна
пропитанные мышинным духом проросли

нижняя треть жижа ночи выгребных ям кладбища
деревьев сейчас бы помощь твоя подоспела
но приговорила к осени но и паучьей не стала

Сом не лишает невинности

Сом лишает ничего
Отдалённое платье
В булгаковском* пруду
Плантаторы говорят
Смертям под шеями у себя
«Притворись моим
Телом и в сию же воду
Сиганём как начало лета
Когда живы на лестнице
Предков даже
Косматые вершины»
Землю жрут и прозревают
Без последствий
Для хлипких
Разносимых ветром по окрестным
Балкам организмов
Приобретают зависимость
От грунта круче
Населяющих эти
Смирения-измерения
Кротов и человеческих мертвецов
Рвы проделаны к воде
Пить и жить её
Предсказанные болота
Не удержавшие у живых
Ничего

* Булгаковский – от назв. посёлка Булгаково (Новогеоргиевка), Баштанский район, Николаевская область. Там рядом действительно есть пруд, сомов там, конечно, нет.

серое

приходящее на смену любому дню
тянет воду треснутыми губами
худая райская кошка округи
приникшая к больнице
горит глазами в земляном пироге
обещает восхождение на вершину
которую обычно видят только вороны
лежащие здесь повсюду коровы
в ярко-зелёной траве
откуда с вероятностью
в одну единственную единицу
появится характерный для округи
туман кое-где
подпаленный солнцем
кое-где в тёмно-зелёных глубинах
последнего адреса улицы
открывающий одну из возможных ран:
жить/посещать

далее умный друг моего детства
теперь совсем старик:

– поделись-ка сигаретой,
вижу что застряла в прорванном кармане
а помнишь как с тобой рисовали лабиринт:
двадцать тысяч лет лететь через тёмно-зелёное море
восемьдесят карабкаться по вороним вершинам

сто двадцать остывать в ленивой пустыне
вернуться к старым стенам
старым и крепким плодом земляного камня пить воду
третья рана
невозможная как чудо
возможное только сегодня

Был соединительный меч старожилом,
спускавшимя по лестнице добрым человеком.
Боль в обручальной кисти
переходила в палец,
твердела в острое кольцо. О, как царапал
он многолетнее покрытие перил,
никто так
не выгибает пальцы, проводя
твердейшим, незаметным камешком,
лелея узкие светящиеся шрамы
вдоль длинных лестничных пролётов. Не дом,
а замо́к,
на деле же скучнейшая контора,
бумага, пыль, корпоративы,
бумага, выслуга, букет из паутины –
однажды ледоход случится,
по трещинам пойдёт чуть слышный ход,
и разойдутся не по комнатам и плитам,
а как попало – отпуская пустоту
и карнавал на волю.
Он станет
внизу отцветшей лестницы послушать,
как в тёплых органах своих, омытых тёплой кровью,
работа предпоследняя плывёт

ВСЮ ЖИЗНЬ КОПИТЬ НА ЖИЗНЬ

в меньшем городе и там
поселившись продолжать

копить на жизнь в меньшем
городе и там поселившись
продолжать копить на жизнь

в меньшем городе и когда
наступит один-единственный дом
войти в духоту кухни

сесть под стареньким агв
открыть заслонку и целых
пять минут наблюдать

уникальное в твоих краях
полноценное солнечное затмение
и наконец выпататься

распродажа дорог

которые дозволено пересечь
в красных дорожных куртках
два тотема сомкнули
просвет не собой
наложением тысяч
древесных конечностей
перед выходом из тамбура тебя
спросят ответ
я например не вижу
салатный
зелёный
чёрно-зелёный
чёрнозелёный
цвет
куртка загорается никаким

и в тщательно проверенной тьме
ты разворачиваешь только что
купленную книгу
там слова – твои
но в другом порядке

перед выходом из тамбура тебя
спросят ответ
скажи например куртки пурпурные
ну соври что-нибудь

в земле начинается снег и летит через корни

лежит в раскладушке как будто пришедший из тьмы
забытый в коричневых книжках почёрканный родич
и просит какой-то особенной из морозилки воды

подносишь ту воду ступая по снегу из снега
сам снегом из снега снегами с него отставая
сбивая с кроссовка сметая в обрывок газеты
шелохнуться боишься как будто свеча на топчане

стоишь перехваченный судорогой крест-накрест
хлыстовой супертравмой распоркой для стенки и стенки
всё рассказывает о себе: ополонка хурделица наслуд
наст позёмка закраина заморозки заносы

застывают часы на руке и отсутствуя тоже
застывают взрезая на коже недлинные стрелки
будто родич в холодной фуфайке спросил тебя время
ты прислушался снег ничего снег не снег трепыхнулось

то секунда сорвётся внезапно с ладони и
пробьёт его речку сорвёт его серые ветки
чтоб забить заслонить двери окна печные проёмы
ибо снег нет надежды снег на снег иные заслонки

поймавшему рой ос пчеловоду было стрёмно
одному ночевать в доме традиций поймавший
рой ос пчеловод ни разу в лицо не видел ни
одной традиции в доме традиций и за пределами
дома традиций поймавший рой ос пчеловод
не видел в лицо ни разу ни одной традиции

когда другие разводчики потребовали выкопать
гроб и сорвать доски то нашли ничего точнее
нашли груды орехов заполнявших замкнутое
пространство так что ещё один орех ни за
что бы не поместился тогда другие разводчики
разошлись по домам а поймавший рой ос

пчеловод сидел на корточках перед разрытой
землёй и орех за орехом вынимал традицию из
деревянного ящика пока от традиции заполнявшей
замкнутое пространство не осталось ничего
кроме покрывающих голые доски глубоких
царапин значения которых никто не смог

тихо было поймавшему рой
ос пчеловоду лежать в раскрытом
настежь деревянном ящике тогда
он рассказал историю:

«всё неживое и зарытое в землю
проросло потому что за ним
никто не вернулся чтобы
выкопать и съесть»

в честь поймавшего рой ос пчеловода
я выкопал в разных частях огорода
пять ореховых ростков и посадил
в линию в конце огорода
так как всегда хотел чтобы в конце
огорода росло высокое дерево

«одна ворона замёрзла
другую ворону разорвали собаки
третья ворона застрелена из ружья
четвёртая ворона задушена пятилетним ребёнком
пятая ворона умерла от старости»

СПЯТ И ВИДЯТ

часы восторга
тёплую приборную панель
твоей неделимой комнаты дальний
свет копошится под горизонтом
пожалуй он сохраняется
металлической пирамидкой придорожного кенотафа
в высоту которой умноженную
на миллиард ты
сейчас увлечённо смотришь

сборщики вишен на километровой высоте

боятся конечно полдня но превыше всего больных птиц
в мокрых перьях и тикающих головой вправо-лево
на выгоревшей траве пока
бегство это потерять сознание швырнуть в простор
сверху вниз
– невыносимо просто и больно –
в детстве сильно боялся потерять грозу
сухая стояла на шкафу как журавлик
тонконогая и ветвилась

много сувениров детства
мы запросто спускаем в унитаз
то не сердце болит в левой части фотодрагоценности
птица тикает просит руку не разжимать
но горсть увлекается новыми плодами
и ладони летят к высшей жаре
сознание другое выясняется
будто предмет долгое время
болевший в районе затылка
но был очевидно необходим

второй участник вступает: «мы играем
на фульгуриты, на корни захватывающих
краевидов. к вечерней семье драгоценный вояж.

к приезду рыбу запекут. река ракообразными кишит,
но пасует пред закатом. покатый двор.
сверхдлинный шест, запах коровьего молока в прихожке.

всё чаще выпадают карты, которые слабб
поднять. покрывали поле. сдача мысли по
лю. крестные дядя и тётя. листовое железо играет

на солнце. нехилые вертижи от одного присутствия
разветвлённой силы, что открывает карту.
зачитывает свысока. тишина. сердце уходит. ливень»

пусть гром делим
на убедительные слова
зачем ты подчеркнул в завещании
именно орех
самое неудобное дерево
для воспоминаний
что мне с ним делать теперь
когда теперь оставляя
слепящую букву
на остывающих глазах
молчит уже сорок секунд

Я ли сотворила предметы, стоящие передо мной.

«Я ли сотворила предметы,
стоящие передо мной» – обращаюсь
к маленькому собранию.

Скольких из вас я, правда, помню, а скольких
увидела впервые (за много лет). Скольких
увиджу, когда вечер сегодня придёт.
Парк потусторонен, праздничен и бесконечен,
я была однажды студенткой,
вернувшейся в родной город (к примеру, Мэй
Боровски), правда, оглянувшись,
прошлое бесконечно разматывается:

что первое помню, так это каким
словом называлось то – между мной
и экраном – воздух, пространство,
расстояние.

Нет, не помню на самом деле. Забвение
бесконечно и оно – парк сегодня ночью.

«Так вот, я думаю о пространстве игры,
и вещи сами вспыхивают передо мной,
как надпись на воротах входа ПАРК
БЕСКОНЕЧЕН ПРАЗДНИЧЕН ПОТУСТОРОНЕН,
становятся мимо игры, мимо ваших
мыслей,двигающих ветки дерева. Движимых
ветром».

Но большинство фигурок, сотворённых мной
о жизни гроз, растений и деревянных досок пола –
не для игры. Но вам я это никогда не говорю,
то что я вам это не говорю – не имеет значения,
также не имеет значения, что я вам говорю, играйте,
играйте:

«Однажды она сошла, где не было остановки. Карнавал
напоминал ей город юности, но выглядел в точности,
как вспоминался – то есть уже можно заподозрить.
Едва знакомые приветливые фермеры, астрономы,
местные поэты, о которых слышала, что нет в живых
тысячи лет. Покупают праздничные сыры и виноград,
выпускают длинные сложные облака пара,
вымазывают руки, пытаюсь починить велосипед.
Пытаюсь представить момент перехода, сбилась,
и чем ближе к дому, увлекалась крупным
цветастым пятном. Добровольно сдавала
ему поле зрения ветка за веткой.

Ставила полупустую бутылку с бренди-колой на закрытую
крышку соседского мусорного бака. Выгребала
из питьевого фонтанчика листья, чтобы
прочитать послание. Грызла кислое красивое
с полукружий забора яблоко. Так болели
зубы, словно острые металлические части
сверху касались металлических острых частей
снизу. Гирлянда в окне второго этажа.

Ласточки под сгнившим карнизом сарая для дров, тёмно-красная краска, сухое дерево с колодками для разделки кроличьих туш, будет долго идти, ступая босыми пятками по холодному линолеуму коридора, ночью, набрать воды, напиться. Сверху играла громкая музыка, с чердака наверное, у них ведь нет жильцов на втором этаже, кажется, и второго этажа нет. Пустой, с пыльным разбитым аккордеоном, трёхметровыми трубами-«сотками», чердак, с кукурузными початками, насыпанными на пол. Здравствуй, кошка, давно не виделась. Теперь, я могу тебя нарисовать».

А на самом деле не могу

страшен дневной сон

Начинающий спать не понимает,
где лучше стоять, чтобы сон свой собой
не закрывать для других
начинающих спать.

Корень растёт в тропинках,
проделанных корнем другим и кажется
ему – в пропасть идёт,

ту, ветвями лелеемую. Пропасть меняется
к лучшему – небо стоит, как в лужах
отцветшие тучи стоят. Как зрения
наглоталось – забыло чем существовать,

но повернёт себя так, чтобы врати не в
других, других ветвями на фоне своём
обогнуть. О, чудище тропинок моих
подземных, вы чудища тропинок
моих небесных, где вы сойдётесь,

там я начинаю тяжесть осознавать,
спать и вас на себе тащить
и во сне прибавлять себя к вам, и к себе
прибавлять ещё пропасть,

ту, ветвями лелеемую. Рост засыхает
назад, в утонение, в порт излома,
рост ищет встречи со мной – звучит, как хруст,
лицевая расходится кость, если представите
глядя на крону сверху – страшное это лицо,

зародыш обратного небу.

Задышит из будущих пор гром,
путешествие чудищ из грунта вверх,
там где пропасть и небо, и ветки, то шар, то петля –
сон растущий сквозь смерть в вырастающий смерч

чтобы вы посмотрели я должен отсюда упасть

утка стучит предсмертным крылом

о землю и выходит утиная смерть
утиная любовь утиная кровь
из горла в необязательный мир

обмылок ножа сверкает на земле
месяцем если снять
с него кожуру не проси
больше денег

проси воскресить утку
не дать превратиться
в любую другую
птицу но

несвѣжее не отвечает а так
рубины рубины рубины
среди ночи спохватишься
повторяя

в памяти мягкие ткани
превращая в твёрдые грани
разожмёшь кулак и поднесёшь к свету
нож размером с нательный крестик

целовать им след от кольца на пальце
белый такой нестыдный
игрушечного колечка заполученного
в лотерею в двенадцать ночи когда
все праздновали телек а мы терялись
во многих комнатах родного
дома и самая старшая вдруг прошептала
все умрут а ты не умрёшь
самый старший услышал
и больше ко мне никто не приближался
не учил на своём языке
в главную комнату перемещается кухня
все играют в настольные карты за окном
светло словно днём

футляр просторный и сложный

чтобы вишня вошла
до последней ветки
ещё зелёной призванной
замыкать собой
панораму не продолжая
силуэт

—

тело кам
едю плачет из
себя тянет беспричинную
плотную тень
будущего
стола стыки
склеить

я брал в ладони твои слёзы и хранил их более тебя
как день когда котята открывают глаза и день
когда они слышат хлопок ладоней
а не просто чувствуют волну воздуха
идущую от удара ладони о ладонь
я забирал твои слёзы далеко в ночь
в её колоссальную спальню и там оставлял
в надежде что никогда не наберутся сил
не придут к порогу чтобы нас придушить
куда страшнее чем наши бы дети
подлее тех кто помер давно
признаюсь что целовал твои слёзы
клянусь что всегда это делал далеко
от тебя когда стены топились на горизонте
а потолок вылетал из моих ладоней к звёздам

во спальне той им гулко им степь им фрегаты
поют что лето ещё не сдохло и губами
жаркими возьмёт свою жертву
что целует их последними что нет
ножа его зарезать нет руки
свернуть ему горло и горизонта
его утопить нет
фрегаты не умолкнут разматывая
свои секции до утра
когда загорится дом и узнает слёзы твои на вкус
когда треснутые губы попросят
у неба больше чем оно

замолчит фрегат поперхнётся
и ты заплачешь ту жажду
которой слов нет

до самой
от самой
я слышу
ли ещё
вижу ли
ещё чувствую
и от о

**Аннета Сырейщикова пишет кавер на известное
стихотворение и называет его**

Мигрень

Подрагивающий понедельник
Разгорающийся вторник
Окружающая среда
Чистый четверг
Тонкая пятница
Крохотная суббота

Я не знаю, как заканчиваются мои тексты,
всякий раз приходится выкручиваться,
заставляя читателя верить, что текст и должен выглядеть
так с определённого места.

Но с определённого места, текст опрокидывается
в укромную обочину,
«обходится» ключом в замке, когда соскакивает со своего
места хлипкая пружина,
а мне приходится подбирать слова оправдания,
заставляя читателя верить, что это не оправдание,
а продолжение.

В обочине растут травы, настоящих названий которых не знаю:
рыбка, мокрица, липкая трава.

Как-то рыл землю, чтобы закопать дохлого курчонка
и выкопал пакет с крохотным скелетом
прошлогодного курчонка,
зарытого на этом месте.

Шёлковая трава, она же ковыль,
не растёт в обочине этой.

Я тебя помню,
ты спал тут.

Нужно подвинуться немного, снизу прорастает
неотвратимый огонь

угасающий корм тебе, лунный серп
и тебе, колерованная звезда, причалить в пролом дикой груши
каждое блюдо было болью сперва
клокотанием красноватых пузырьков

пред закатом садовые инструменты облокотились
на столик пошатнувшийся

все в прохладной плёнке усталости
топают на предсмертные передышки
звезда входит в залив громадины-груши
лунный серп набирает росяной вес

утром лежат садовые инструменты
хорошо сохранившиеся вокруг столика
пошатнувшегося

мясные птицы перерастают собственные перья
прикрываясь крохким крылом левомицетина
чтобы наткнуться на мягкое лезвие в зубах быстрой
и плодовой смерти

садовые инструменты воткнутые
вокруг столика пошатнувшегося который год
цветут золотыми буквами

звезда в городе ветвей в спящем сонме голубей
сохраняет себя как пуля сжатая в кулак

как паук-крестовик сжавший себя в маленький кулак
видит Бог мальчика умевшего отцеплять с паутины их
чтобы сажать в бокалы тюльпанов
говорили паук склёванный цыплёнком начинает
сжиматься разжиматься в желудке
он одушевлённый спазм пока цыплёнок
не станет бессмертным

завершающие слова
прочитаны на древках садовых инструментов
вспахивающих нетоптаную глину

глина расплетётся на языке
язык завяжет её в узелок будто
черешневую гамму
начинающую прикосновение
побеждающее все прочие прикосновения
к твоему горлу, мясная птица,
пахнущее красной строкой
неразрезанной книги

не голод не глина
а голос не прерываемый клочкотанием боли
садовый инструмент расплетающийся на пальцы

отрубленное горлышко поливочного шланга

промолчало глинистую постель
себе и голове своей форсунке жёлтой

уснуло на коленях обнажённой жары
как же сеточка слёз проступила на коже
как же высок был фонтанчик
пел сухой траве
и невидимой голове
из сердца последних сил

как же прозрачно платье
вода вдалеке

но пару шагов
с фонтаном вместо башки
чтобы рухнуть поливочным шлангом
но ещё
август моет посуду в саду и солнце лижет ему висок
вышёптывает букву спрятать в волосах
первую букву имени того за деревом
победителя что упал бы
но ещё видим
опёрся о молниеносный меч
прорастающий в глинистый грунт сада

локоть так выгнут что почти касается
тмы протекающей из угла в обморок

август кладёт последнее блюдо на тряпку
и возвращается в дом

пригрезившийся не бросает свой меч
остаётся на месте и смотрит
как жара вырывает из платья нитку
освободить платье
взмахивает как скатертью
полностью накрывая сад

меч расцветает
она окружает его собой
август засыпает разгадывать закат
фонтанчик на мгновение вспыхивает и окончательно
сходит на нет
к сердцу глубокому плыть и плыть

сердце героя так сильно качало кровь
что когда покатилаь его голова
из тела горел и горел высокий цветок
минуту-другую экранного времени
будто сердце героя затопленный зимний подвал
куда в июне погружают моторчик
выводят шланг и качают подземную воду
чтобы залить пересохшие раны в саду

август приходит позже
в сухой цветник

находит другой цветок
бессмертный и острый как меч
ипомея откуда-то сверху смотрит во все глаза
карнавальная змея пытается высказать ему всё
что скрывали родители братья заезжие пацаны
выбившие два зуба ему за железнодорожной заброшкой
четырнадцать лет как слизало ушедшей водой
лица любимой мерцают с такой частотой
что сейчас нахлынет припадок

сажей пахнет несказанно
цветок усекновения сходит на нет
почти сошёл в закат
август кажется ты понял где не кончается сад
с каждым днём всё ближе туда
всё глубже вода отращивает себе
выгребные ямы
однажды ночью увидишь отчаяние бьёт по шее сзади
упадёшь на колени выкашливать смерть из себя
в органическую черноту
которой мы больше не станем
которая всё обволакивает горизонтом подземным своим
ты август ты помнишь местный анекдот
как один фермер вызвал ассенизатора выкачать яму
а шланг забился и едва не лопнул потому что фермер
когда-то выкинул в яму тушки мёртвых курей штук пятнадцать
ассенизатор тогда его чуть не прибил ну ты идиот совсем
это кости идиот они никогда не разлагаются
к сердцу бескостному плыть и плыть

август не представляет кости цветка
сухие способные испытывать далёкую боль
чужую как звёзды на небе
летним вечером над миндалём
сердце героя не видит что кончилась кровь
и продолжает стучать в похищенной голове

чужая как женщина что подстригала ему виски
в служебной комнате заправки
(синим цветом зазывает за поворотом каждой стеной
вывеска глухая как середина степи
льётся и льётся)
спросила: это родинка или татуировка
август отвечал что нет
что там ничего нет
сердцу невидим берег невидим удар
проникающий дальше чем смерть
способна прочесть за минуту-другую

в степи лежит безглазая вода
например или
дом что построишь присох как чужая кровь
но ещё такое
мы тебе тогда не рассказали всего
так вот слушай

тихий medieval со второго этажа диким виноградом
залапанного домика попутного смт по дороге в д.
оплывшая свечка кружась на игрушечной платформе
круглой в призме меж стёкол оконных и платформа
проглочивает как долгий фильм на одном мобильном
интернете как сон так хочется досмотреть а то он и есть
тихий этот трэк записанный по ходу в выстуженных
коридорах местного клуба где мечта о не о диком винограде
не о паучьих протезах акаций обрамляющих погост
не о тебе в диком дожде снимающей тяжёлую повязку
с запястья и накрывающей мои глаза исчезает
мелодия милосердное бельмо на полынье так же
зарастает последнее свободное место в сквозящем
автобусе мгновенным туманным пламенем протянувшим
призму пути своего как с ладони сдуть тепло
не до д. до другого города а его название проскакивает
палец на сенсорном экране как неровный нарост
на фаланге большого пальца невидимый на снимке

голый зимний дом на фотографии того года где дома
не могло ещё быть и в мечтах

«В её ладони возвращается осенний паук»

Поймала муху, цветок, что за свет
ладонью поймала и открыла дверь во двор –

выпустила, разжав кулак,
как зелёная кожура выталкивает орех,

как же медленно опускается,
боится дотронуться до твоего бритого виска.

«Каждый вид падения пускает свою ветку в сторону»

Выбила свет из пазов дома и кажется
громоздкое насекомое вытесняет воздух
из комнат во двор – такое возвратное литьё
окружающего пространства, разговора из кухни
через наклонившуюся дверь.

«Посмертный сад где каждый купает оливины во рту»

Их удивлённые замечания не дальше ворот,
лице безразличны,
а дереву радостно, почти прекратило вертеться
в её ладонях, уснуло, цветок, муха, красная пыль,

«падение, орех, ниточка слюны, вырий»

мы осыпались огнём снежным запрыгивая
в маршрутку
спор продолжался о литературе и коллекции
редких атмосферных явлений
сквозь прозрачные страницы книг (ваши и наши стихи)
восходит солнце с двумя псами*
трактуя иначе красный комплимент читателя
дорогу на старогорожино и дальше на светлицкое
которого больше нет
разве что желтоватый камень
о него старик покидающий дом со всей дури
ударил нарочно руку
чтобы сюда не вернулись его дети
чтобы сюда не вернулись его внуки
чтобы сюда ни правнуки никто
чтобы только мы с тобой и мы с тобой
сделали этот камень закладкой
эту реку не одной из пяти а ингулом
мертвоводом громоклеей висунью
бугом эту песню
одними словами
восходит луна с едва заметным щенком*

МОЛИТВА МИНУТЕ:

свой час продли нам

за час 1 тобой вечер слова 2 ласков 3 отваживает
горло 4 водумершую 5 оскальзывать 6 набирать черпач
ком 7 выдох вечный современник 8 мочку сдавливает 9
ногтями не

10 скажи мне 11 вязкое верхотуры 12 задержи 13 ход
в детскую 14 ненависть к скатыванию 15 в сло 16 во
двор залит худосочными недомолвками 17 держи его над
болью вы 18 плёс 19 жалость подростшего 20 молоко
современника 21 спалось 22 болезненным вечером ночь 23
ластилась к слизистой 24 слоб

ва 25

обещано окончание окон вече

26

реющий клоч слуха бьётся по тебе 27 час

проглотить язык 28 29 под воду

родного 30 коридорчика

31 ты луны пик молоком паузы опоил и 32 схлыны

вает 33 смерть или что 34 смерть или 35 что

там

36

касаемое

37

таниновая туча

38 ненаглядная переправа за вечер обещана неизлечимым

39

40 пережившим боль ради ночных реющих 41 в сокодвигание

скинуты сухие языки 42 синеть и петь на нож 43 родной 44
обойди меня 45 тут коснись 46 тут овей просто 47 48
почтиночному лапка 49 на везикулах клавиатурах наглядит
50 волокна 51 бессловесные 52 не без слова конечно 53
ибо ты выглядишь за слова́ здесь 54 час их 55 много
56 час их дышит 57 голое сердечко в бескровном поцелуе
изнеси 58 все 59 плачут вот цвет твой в руке 60
61 но продли вечер 62 продли 63 прошу час
свой за 64 минут удержаться краешек 65 перехлёстом

ИТОГО

Массивные руки ореха	3
кто в детстве не боялся призраков	5
когда мы лежим на узкой кровати без сна	6
Читать карты и книги, словно так никогда	7
эта козья звезда летом скрывает под собой	9
Сом не лишает невинности	10
серое	11
Был соединительный меч старожилом	13
всю жизнь копить на жизнь	14
распродажа дорог	15
в земле начинается снег и летит через корни	16
поймавшему рой ос пчеловоду было стрёмно	17
тихо было поймавшему рой	18
спят и видят	19
сборщики вишен на километровой высоте	20
второй участник вступает	21
пусть гром делим	22
Я ли сотворила предметы, стоящие передо мной	23
страшен дневной сон	26
утка стучит предсмертным крылом	28
целовать им след от кольца на пальце	29
футляр просторный и сложный	30
я брал в ладони твои слёзы и хранил их более тебя	31
Аннета Сырейщикова пишет кавер	33
угасающий корм тебе, лунный серп	35
отрубленное горлышко поливочного шланга	37
тихий medieval со второго этажа диким виноградом	41
прохождение венеры по диску луны	42
«В её ладони возвращается осенний паук»	43
мы осыпались огнём снежным	44
молитва минуте	45

Пивень Евгений

ПЗ2 Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево. –
Днепр: Герда, 2020. – 48 с., серия «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-57-1

В книге собраны поэтические тексты 2016–2020 годов, в которых призраки домашней обстановки пытаются подобрать правильные слова к двери настоящего, но её рельеф необратимо рассеивается с пробуждением.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Євгеній Миколайович Півень

**ЗАВЖДИ ХОТІВ, ЩОБ У КІНЦІ ГОРОДУ
РОСЛО ВЕЛИЧЕЗНЕ ДЕРЕВО**

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Дизайн обкладинки Анастасія Фінік

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,0. Тираж 150 прим.
Замовлення № 57/20

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.
book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-57-1

Поэтическая серия

«Тонкие линии»

Сергей Синоптик

«Нужное зачеркнуть»

2020

Максим Бородин

«Осторожно стекло»

2020

Ольга Брагина

«Речь похожа на карманный фонарик»

2020

Антон Полунин

«Does Marsellus Wallace look like a bitch?»

2020

Евгений Пивень

«Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево»

2020